

**Владлен Георгиевич Сироткин
Александр Первый и Наполеон.
Дуэль накануне войны**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5018034
Наполеон и Александр. Дуэль перед войной.: Алгоритм; Москва; 2012
ISBN 978-5-4438-0082-0*

Аннотация

Книга известного историка В.Г. Сироткина посвящена напряженным отношениям между Францией и Россией накануне войны 1812 года. Автор рассматривает вопросы, которые затрагивались при личных переговорах и в тайной переписке французского императора Наполеона I и русского царя Александра I.

Все это напоминало поединок, в котором обе стороны готовы были сражаться до конца. По мнению автора, личное противостояние двух императоров носило драматический характер еще и потому, что оно могло закончиться союзом России и Франции, а не жестокой войной.

Содержание

Вместо предисловия	4
Мир или война с Наполеоном?	6
Как остановить Наполеона?	19
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Владлен Георгиевич Сироткин

Наполеон и Александр.

Дуэль перед войной

Вместо предисловия

Дипломатическая и разведывательная предыстория эпопеи Отечественной войны 1812 года – неотъемлемая часть всей истории России нового и новейшего времени. Именно в кризисные годы «грозы 12-го года» складывалась геополитическая стратегия Российского государства на весь XIX и начало XX в. – установление баланса сил в Европе и мире после потрясений Великой французской революции, подписание союзов – «браков по расчету» (Тильзит), определение принципа «раздела сфер влияния» в Европе и на Востоке, идеологические изыски в дипломатии и т. д.

Привнесенные французскими якобинцами пропагандистские приемы в дипломатию и военное искусство («мир хижинам – война дворцам») в период наполеоновских войн, как и передовые военные тактические приемы (рассыпной строй солдат, артиллерия на конной тяге и т. п.), стали достоянием всех воюющих сторон. Вслед за «бюро по контролю за общественным мнением» (французская Директория, 1797 г.), преобразованным Бонапартом в пропагандистское «ведомство Фуше», аналогичные «бюро» и «ведомства» создаются и в странах-противниках Франции – Великобритании, России, Австрии, Пруссии, Швеции.

«Война перьев» Наполеона и Александра I породила целый ряд устойчивых лжеконцепций, которые будут эксплуатироваться дипломатами и политиками Европы и мира последующие два века, особенно, в глобальном идеологическом противостоянии СССР и США после Второй мировой войны.

Скажем, запущенная еще в 1806–1807 гг. пропагандистская «утка» Наполеона о «русской угрозе» Западу (фальшивое «Завещание Петра Великого») окажет огромное воздействие даже на К. Маркса и Ф. Энгельса и принудит И. В. Сталина в 1939 г. выступить с критикой отцов-основателей марксизма.

Наоборот, «анафемы» Священного Синода Русской православной церкви в 1806–1815 гг. против «исчадия ада – Буонапартия» трансформируются в уваровскую триаду «самодержавие – православие – народность» (1832 г.), ставшую знаменем не только монархистов царской России, но и неомонархистов России «демократической».

Вместе с тем, эпоха наполеоновских войн (и Отечественная война 1812 г. как их неотъемлемая героическая часть) оставили глубокий след в истории, культуре, архитектуре и Франции, и России. Станция метро «Иена», улица «Тильзит» рядом с площадью «Этуаль-Шарль де Голль», мост «Аустерлиц», бульвары имени наполеоновских маршалов, Триумфальная арка и музей Инвалидов наконец: на арке выбиты поля сражений в России, а в Инвалидах (музее французской армии) хранятся отбитые русские знамена и пушки – в Париже, как бы перекликаются с теми же знаками русской воинской славы в Москве – восстановленным Храмом Христа-Спасителя, музеем-панорамой «Бородинская битва», отбитыми у французов пушками у Арсенала в Кремле.

Характерно, что инициаторами создания монументальных памятников и эпопеи 1812 года, и войн 1805–1814 гг. выступили два главных фигуранта этой военно-дипломатической дуэли – Наполеон и Александр I.

Отрадно, что и в XXI веке эта память не иссякает, и не только о победителях, но и о побежденных, причем не в одной Российской Федерации. Так, стараниями нашего совре-

менника неугомого профессора Фернана Бокура, директора частного Института наполеоновских исследований в Париже, на р. Березине у гор. Борисова в Белоруссии 16 ноября 1997 г. был поставлен второй памятник «павшим Великой армии» (первый с 1913 г. стоит на Бородинском поле).

Мир или война с Наполеоном?

Великая французская революция 1789–1799 гг. не только смела абсолютизм во Франции, но и оказала огромное революционизирующее влияние на другие страны. Страх перед «революционной заразой» и стремление защитить устои легитимизма вызвали к жизни анти-французские коалиции.

Республиканской и Консульской Франции в 1792–1800 гг. удалось не только отстоять Отечество, но и отбросить армии феодальных коалиций от дореволюционных границ страны. Заметную роль в этой справедливой войне в 1793–1797 гг. сыграл молодой генерал Бонапарт. Его сравнительно легкий государственный переворот 18 брюмера (9 ноября) 1799 г. привел генерала к вершинам власти во Франции.

Но если внутри Франции Наполеону сравнительно легко удалось в 1799–1804 гг. закрепиться на престоле, то на международной арене дела обстояли сложнее.

Стремление Наполеона путем провозглашения империи во Франции подчеркнуть разрыв с революционным прошлым страны, встать в один ряд с «законными» монархами Европы для облегчения дипломатической и военной экспансии и поисков союзников в борьбе против Англии первоначально наталкивалось на отказ легитимистской Европы. Для рядового русского мелкопоместного дворянина или прусского юнкера Франция в конце XVIII – начале XIX в. психологически оставалась «исчадием революции», а Наполеон – ее «революционным генералом». Поэтому союз с ним представлялся едва ли не как предательство интересов дворянского класса, и на первых порах дипломатия феодальных государств не могла не считаться с этими настроениями.

Кстати, и для самого Наполеона эта психологическая предубежденность дворянской Европы против его мнимого «якобинизма» служила немалой помехой: не случайно после провозглашения в 1804 г. империи он упорно добивался признания своего нового титула «императора французов» феодальными дворами, включая соответствующий пункт в статьи мирных и союзных договоров.

Весьма любопытно в этой связи свидетельство одного из близко знавших Наполеона лиц, небезызвестного князя Меттерниха. «Одним из постоянных и живейших огорчений Наполеона, – писал князь, – было то, что он не мог сослаться на принцип легитимности как на основу своей власти... Тем не менее он никогда не упускал случая, чтобы не заявить в моем присутствии живейший протест против тех, кто мог вообразить, что он занял трон в качестве узурпатора.

«Французский престол, – говорил он мне не раз, – был вакантным. Людовик XVI не сумел удержаться на нем. Будь я на его месте, революция никогда не стала бы совершившимся фактом...»

Вместе с тем требование признать его императором, кроме династических соображений, диктовалось и вполне практическим стремлением закрепить за Францией новые территориальные приобретения, ибо в официальный титул Наполеона включался не только «император французов», но и «король Италии», «протектор» Рейнского союза германских государств и т. д.

Дипломатическое признание императорского титула Бонапарта (обязательное требование наполеоновской дипломатии в 1804–1807 гг.) автоматически означало юридическое санкционирование всех новых захватов Франции, осуществленных ею к моменту этого признания. Между тем ярко выраженное стремление наполеоновской дипломатии пересмотреть всю систему европейских дипломатических соглашений, сложившихся к концу XVIII в., наталкивалось на сопротивление участников антинаполеоновских коалиций, видевших в

этой политике Франции угрозу «европейскому равновесию». Душой этих коалиций с самого начала стала Англия.

Основным преимуществом английской дипломатии в конце XVIII – начале XIX века в борьбе против Франции было то обстоятельство, что она действовала не в одиночку, а в составе антифранцузских коалиций, щедро снабжая своих союзников оружием, деньгами, предоставляя им свой военный и торговый флоты.

Поэтому с первых дней своего правления Наполеон поставил перед французской дипломатией задачу расколоть этот антифранцузский фронт, заключить союз с партнерами Англии или, на худой конец, нейтрализовать их.

Из всех союзников англичан по антифранцузским коалициям самый большой интерес в этом отношении представляла Россия. Крупнейшая континентальная держава Европы, она обладала могучей армией и оказывала огромное влияние на международные отношения начала XIX в.

Приспособление царизма к складывающимся новым производственным и общественным отношениям в послереволюционной Европе находило отражение как во внутренней, так и во внешней политике.

Причин для такой позиции имелось несколько. Главной из них была потребность в освоении обширных территориальных приобретений, осуществленных правящими классами России к началу XIX в. на западных (польско-литовские земли) и особенно южных (Северное Причерноморье) границах империи. Поскольку новые границы Российской империи были закреплены соответствующими международными соглашениями, постольку основная задача царской дипломатии в тот период состояла в сохранении этих соглашений как выгодных на данном этапе правящим кругам России.

До тех пор, пока Франция и Англия открыто не посягали на эти соглашения и не угрожали своей военной силой непосредственным границам России, часть правящего класса Российской империи считала для себя выгодным некоторое время находиться в стороне от англо-французского политического и торгового соперничества. Эта тенденция проявилась еще до революции при Екатерине II. Страх русского дворянства перед «революционной заразой» временно ослабил эту тенденцию, выдвинув на первый план стремление к консервации в Западной Европе феодальных порядков. Однако с началом наполеоновской эпохи во Франции и обострением прежнего англо-французского соперничества она ожила вновь. Сторонники нейтралитета России называли эту тактику политикой «свободы рук».

Политика «свободы рук» в англо-французском конфликте отражала также стремление правящих классов России эпохи Александра I получить известную передышку для некоторых внутривнутриполитических реформ: государственного аппарата (учреждение министерств в 1802 г.), образования (в частности, увеличение числа университетов и создание лицеев), экономического освоения южных областей (создание «Комитета о устройении Новороссийской губернии») и т. д.

Наиболее четко основные принципы политики «свободы рук» применительно к международной обстановке начала XIX в. были изложены в докладе управляющего Коллегией иностранных дел В. П. Кочубея, зачитанном им на заседании «негласного комитета» 25 августа 1801 г. Кочубей проанализировал внешнюю политику Екатерины II и Павла I, причем все его симпатии были на стороне первой. Затем он подробно остановился на отношениях России со всеми основными странами Европы к моменту воцарения Александра I, сделав следующий вывод: «Наше положение дает нам возможность обойтись без услуг других держав, одновременно заставляя их всячески угождать России, что позволяет нам не заключать никаких союзов, за исключением торговых договоров».

* * *

Наиболее полное воплощение политика «свободы рук» нашла в соглашениях России с Англией и Францией. 17 июня 1801 г. в Петербурге была подписана англо-русская морская конвенция. Несмотря на то, что эта конвенция по форме носила характер частного соглашения по одному вопросу, по существу, это был политический договор, определяющий характер англо-русских отношений. Конвенция носила компромиссный характер: Россия отказывалась от попыток укрепить лигу держав так называемого второго вооруженного морского нейтралитета – детище Павла I, но Англии не удалось привлечь Александра I на свою сторону для продолжения борьбы с Францией.

И, наконец, вершиной политики «свободы рук» были франко-русские соглашения, подписанные 8—10 октября 1801 г. в Париже. Это был первый русско-французский мирный договор после революции. Статья 1-я восстанавливала нормальные дипломатические отношения по образцу русско-французских до 1789 г. Обе стороны брали обязательства не оказывать «ни внешним, ни внутренним врагам другой никакой помощи войсками или деньгами под каким бы то ни было наименованием». Статья 5-я договора предусматривала заключение франко-русского торгового договора. Впредь до его заключения коммерческие отношения должны были строиться «на основаниях, существовавших до войны».

В целом договор означал признание Франции де-юре равноправным государством Европы, конец обвинений в распространении «революционной заразы». Царское правительство официально признавало внутренние изменения в буржуазной Франции. Одновременно договор был свидетельством признания со стороны крепостнических кругов России того факта, что революция во Франции закончилась и там, «слава богу», правит «законное» правительство. Франция становилась равноправной в сообществе великих держав Европы. Мирный договор с Россией означал большую победу французской дипломатии.

Заключенная в дополнение к мирному договору секретная конвенция определяла будущие франко-русские отношения. Конвенция не решала ни одного из спорных вопросов, но в ней проводилась идея дипломатического сотрудничества России и Франции при урегулировании двух основных спорных вопросов – германского и итальянского. По существу, это был раздел сфер влияния в Европе на базе статус-кво 1801 г. и установления совместного влияния России и Франции на дела Центральной Европы и Южной Италии.

Несмотря на явное нежелание правительства Александра I на первых порах вмешиваться в англо-французский конфликт, и английская, и французская дипломатия не оставила надежду привлечь Россию на свою сторону. Англичане зывали к легитимистским чувствам царя и его ближайшего окружения, усиленно ссылаясь на имевший уже место прецедент – дипломатическое и военное участие России в I и II антифранцузских коалициях. Французы же всячески расписывали выгоды франко-русского союза. Однако позиции наполеоновской дипломатии были слабее – опыт скоропалительного и неудачного союза 1800 г., заключенного Павлом I с Францией, выявил в дворянских кругах России сильную антифранцузскую оппозицию. Нежелание считаться с настроениями дворянства стоило Павлу I жизни – в ночь с 23 на 24 марта 1801 г. он был убит. В числе участников этого дворцового заговора были и сторонники возобновления англо-русского союза против Франции.

В 1801–1803 гг. оба посла – английский посол Сенг-Эленс (и сменивший его в августе 1802 г. Уоррен) и французский посол генерал Гедувиль – настоятельно домогались союза своих правительств с Россией. Поводом для привлечения царя на свою сторону они избрали вопрос о посредничестве России в англо-французском конфликте из-за обладания островом Мальтой в Средиземном море, имевшим важное военно-стратегическое значение. Однако правительство отклонило предложения о русских гарантиях статута острова Мальты

и заняло позицию нейтралитета в новой англо-французской войне, возобновившейся в мае 1803 г.

* * *

Мирная передышка 1801–1803 гг. была использована верхушкой дворянства для определения внешнеполитического курса России, прежде всего в отношении Франции. По вопросу о будущих франко-русских отношениях среди русских государственных деятелей не было единства мнений. Наиболее отчетливо выделялись две точки зрения.

Представители первой делали и акцент на прошедших во Франции внутривнутриполитических изменениях (приход к власти Наполеона и его заявление – «революция закончилась»).

Превращение Франции из источника «революционной заразы» в «нормальную» державу ставило ее, по их мнению, в один ряд с буржуазной парламентарной монархией в Англии, которая отнюдь не угрожала феодально-крепостническим устоям России. Поэтому часть русских правящих кругов уже не видела в борьбе против Франции прежних задач реставрации королевской власти и склонна была принять установившийся во Франции буржуазный строй. Не отказываясь от задачи поддержания феодально-абсолютистского строя в Европе, эта часть правящих кругов вместе с тем пыталась акцентировать внимание русского дворянства, а также крупного русского купечества на задачах закрепления и расширения сделанных при Екатерине II территориальных завоеваний. Вместо дорогостоящих и невыгодных, по их мнению, войн с Францией вдали от русских границ за идеи легитимизма они предлагали встать на прежний путь поддержания в Европе равновесия между Англией и Францией, Австрией и Пруссией, а острие внешней политики России обратить на Восток (укрепление и расширение позиций царизма на Кавказе, в Закавказье, балканских провинциях Турции, в Средней Азии и на Дальнем Востоке). Практически эта точка зрения временно нашла свое выражение в политике «свободы рук» 1801–1803 гг.

Наиболее часто в защиту этой концепции в дотильзитский период выступали министр коммерции Н. П. Румянцев, министр морских сил Н. С. Мордвинов и вице-канцлер А. Б. Куракин. Так, Румянцев, разделяя принципы политики «свободы рук», считал, что наибольший эффект она принесет тогда, когда в Европе удастся создать политическое равновесие (баланс) трех государств: Англии, Франции и России. Последняя, не беря никаких дипломатических обязательств по отношению к любой из двух других, должна поддерживать самые тесные торговые связи и с английскими, и с французскими купцами.

Но поскольку Англия сумела занять преобладающее место в русской торговле на Балтике и тем привязала к себе русских экспортеров, Румянцев выдвинул целую внешнеторговую программу избавления от этой экономической зависимости. В частности, он предлагал начать активное освоение морского торгового пути через Черное и Азовское моря. Вступая в открытую полемику с «англофилами», стремившимися доказать неизбежность экономической зависимости России от Англии в области морской торговли, Румянцев отстаивал возможность и необходимость для России иметь свой, отечественный торговый флот.

Представители другой точки зрения не видели или не хотели видеть в государственном перевороте Наполеона удушения революции. Они по-прежнему отстаивали идею вооруженной борьбы России в союзе с Англией и другими державами против Франции. По их мнению, лишь военный разгром наполеоновского государства ликвидировал бы угрозу экспансии Франции в Европе и позволил России заняться внутренними проблемами. Только вооруженная наступательная борьба с Францией даст России возможность не только сохранить, но и увеличить территориальные приобретения. Поэтому они выступали против каких-либо мирных, а тем более союзных переговоров с Наполеоном. Ссылаясь на давний опыт англо-русского дипломатического и торгового сотрудничества, имея опору среди дворянства

и купечества на севере и в центре России, они упорно отстаивали концепцию самого тесного англо-русского союза. Наиболее яркими представителями англофильства в первые годы царствования Александра I были кратковременный министр иностранных дел России (март – октябрь 1801 г.) Н. П. Панин, многолетний посол в Лондоне С. Р. Воронцов, его брат канцлер А. Р. Воронцов, посол в Вене А. К. Разумовский.

Наиболее последовательным «англофилом» был С. Р. Воронцов. Крупный русский помещик, Воронцов провел свыше 20 лет в Англии на посту русского дипломатического представителя. Противник революционных идей, сторонник безоговорочного и самого тесного экономического и политического союза России и Англии, он всю свою жизнь был убежденным противником Франции, которая, по его мнению, навсегда останется источником «революционной заразы» для европейских монархий. Он отрицал необходимость каких-либо переговоров с Францией, решительно боролся против франко-русского сближения при Павле I, за что и был отстранен последним от поста русского посла и подвергся опале.

* * *

В период интенсивного обсуждения внешнеполитического курса России (первые годы правления Александра I) программа самого тесного союза с Англией была изложена в записке Н. П. Панина «О политической системе Российской империи» (июль 1801 г.).

Возражая тем, кто считал, что Россия должна проводить политику «свободы рук» и неучастия в союзах (намек на В. П. Кочубея), Панин доказывал необходимость союзов для «удержания пограничных государств в рамках их нынешнего могущества». «Естественными союзниками» России, по Панину, были Австрия, Пруссия и Англия. Особенно необходим был союз с Англией: «Политические и торговые отношения между нашим и лондонским дворами основываются на полном совпадении интересов и невозможности столкновения последних, пока и тот, и другой придерживаются своей обычной здоровой политики».

Панин отрицал угрозу морского могущества Англии для России. Более того, вместе с Воронцовым он подвел теоретическую базу под это утверждение: целиком приняв мнение, изложенное Воронцовым в ранее написанной записке о вооруженном морском нейтралитете, Панин заявлял: «Поскольку Россия не имеет и иметь не может активной торговли, рост морского могущества Англии не только не причиняет ей никакого вреда, но даже приносит ей большую пользу, удерживая дворы Севера (Пруссию, Швецию и Данию. – В. С.) в состоянии слабости, сохранение которой нам весьма желательно...».

Из всего этого Панин делал следующий вывод: «Стало быть, в том, что касается торговли, интересы Англии не противостоят нашим, и, напротив, торговля с нею приносит России весьма большую пользу, приводя в обращение крупные капиталы; что касается политики, то и здесь мы видим то же совпадение интересов обоих государств». По мнению Панина, основная угроза для России исходит от Франции как нарушительницы европейского равновесия. «Опасности, грозящие Европе, – писал он, – имеют три различные причины: деспотизм и честолюбие Франции, честолюбие Англии, распространение революционного духа. Надо выбирать между тремя, как как всех их сразу избежать невозможно... Исходя из этого принципа, легко доказать, что самая большая опасность для России исходит от Франции, что и предрешает сближение с Англией».

Таким образом, записка Панина в наиболее концентрированном виде выражала точку зрения тех кругов, которые требовали безоговорочного союза с Англией против Франции.

Александр I и его «молодые друзья» в 1801–1803 гг. пытались занять позицию «центра». Надо сказать, что политические симпатии большинства «молодых друзей» (А. А. Чарторыйского, П. А. Строганова, Н. Н. Новосильцева) были на стороне сторонников вооруженной борьбы с Францией. Позднее все трое (особенно Чарторыйский) стали одними из

главных вдохновителей и организаторов III антифранцузской коалиции. Однако в 1801–1803 гг. они воздерживались от поддержки сторонников той или другой точки зрения.

Неизвестно, как долго придерживались бы в Петербурге тактики «свободы рук», если бы Франция снова после небольшой передышки (вызванной главным образом заботами Наполеона по укреплению своей власти внутри страны) не начала дипломатическое наступление сначала на Балканах, а позднее в германских государствах. Оно ставило под угрозу то неустойчивое равновесие сил России и Франции, которое было зафиксировано в парижских соглашениях 1801 г.

25 июня 1802 г. в Париже наполеоновская дипломатия заключила мирный договор с Турцией. Но Франция не ограничилась одними дипломатическими демаршами. На восточном побережье Италии она начала концентрировать войска, готовя военный десант на западные Балканские провинции Турецкой империи. Заигрывание эmissаров Наполеона с турками, с одной стороны, и угроза прямого военного вторжения на Балканы в случае провала этого дипломатического флирта – с другой, не на шутку встревожили руководителей внешней политики в Петербурге.

Царская дипломатия со времен Екатерины II всегда очень ревниво относилась к действиям любой другой иностранной – будь то английская или французская – дипломатии в Константинополе. И было из-за чего: в конце XVIII в. России удалось заключить с Турцией не только мирный (1792 г.), но и союзный (1799 г.) договор. Они закрепляли за Россией все территории, отвоеванные у Турции в XVIII в. (юг Украины, Крым, Северный Кавказ), а главное – открывали Черное море, обеспечивая свободный проход русским судам через Босфор и Дарданеллы. Южнорусские помещики и купцы только-только получили, наконец, свободный выход в Средиземное море, как вновь над проливами нависла угроза: наполеоновская дипломатия, играя на еще не заживших ранах турецких пашей или шантажируя их угрозой войны, подбирала ключи к воротам из Черного моря.

Не менее активно стала действовать наполеоновская дипломатия и в германских государствах. Игнорируя парижские соглашения 1801 г. о совместном с Россией влиянии на германские дела, она посулами или угрозами начала склонять на сторону Наполеона вечно враждовавших между собой германских князей.

* * *

Действия Франции повлекли за собой немедленную реакцию России. Особую заботу вызывали Балканы.

К числу мер, призванных помешать проникновению Франции на Балканы, относилось превращение островов Ионического архипелага на Адриатическом море в русскую военноморскую базу. Тем самым правящие круги России пошли на прямое нарушение статьи 9-й франко-русской конвенции 1801 г., гласившей, что «иностранных войск на сих островах более не будет», а также на отмену принятого 15 июня того же года решения Государственного совета о выводе русских войск из Неаполя и с Ионических островов.

Интересно отметить, что именно один из сторонников «свободы рук», тогдашний министр иностранных дел В. П. Кочубей первый в докладной записке Александру I от 30 декабря 1801 г. предложил превратить Ионические острова в опорную базу России, послав туда специального представителя, военные суда, артиллерию и войска. В феврале 1802 г. предложение В. П. Кочубея было одобрено, и в августе из Одессы на Ионический архипелаг прибыл русский полномочный представитель граф Г. Д. Мочениго во главе экспедиции в 1600 солдат и офицеров на пяти судах.

К осени 1804 г. Россия на Ионических островах имела уже около 11 тыс. солдат и свыше 16 военных кораблей. Кроме того, Мочениго было поручено спешно создавать воен-

ные формирования из албанцев, черногорцев и греков под командованием русских офицеров. По приказанию Александра на острове Корфу был создан также военный комитет по обороне Ионических островов и балканского побережья от возможного вторжения французов из Италии.

Весьма характерно и то обстоятельство, что, несмотря на отчаянные призывы неаполитанской королевы не выводить русские войска из Неаполя, Александр I все же приказал их командующему генералу Бороздину погрузиться на суда и отправиться на Ионические острова.

Следует отметить, что в других районах Европы Россия не предпринимала в 1802–1804 гг. таких шагов.

Это достаточно наглядно свидетельствует, что для правящих классов России общеполитическая задача защиты легитимизма в Европе уже начала уступать место боязни потерять свои собственные позиции, хотя в ответном письме к неаполитанской королеве Карлотте царь патетически восклицал о верности делу защиты «законных» монархов от «узурпатора. Бонапарта». Александр I довольно четко отделял общелегитимистские задачи от непосредственных интересов правящих классов России.

Угроза изменения статус-кво на Балканах и в Германии, исходившая от Франции, усилила аргументы противников тактики «свободы рук». Первым выступил А. Р. Воронцов. 24 ноября 1803 г. он представил царю «Записку в доклад», в которой набросал общую картину экспансии Франции на севере Германии и в Италии. Особую угрозу интересам России представляли планы Наполеона в отношении Турции. Высадка французской армии на Балканах, по мнению Воронцова, означала бы неминуемый распад Оттоманской империи. Не ограничиваясь констатацией фактов, Воронцов предлагал начать немедленную подготовку к войне против Франции. Доклад Воронцова был первой ласточкой, возвестившей начало отхода России от политики только дипломатического сдерживания экспансии Франции. Но до окончательного отхода было еще далеко. Александр I никак не отреагировал на предложения Воронцова.

В более осторожной форме выступил Чарторыйский. Его записка Александру I от 29 февраля 1804 г. была целиком посвящена мерам по противодействию Франции в Турецкой империи. Сославшись на то, что Александр I уже начал консультации с английским правительством по этому вопросу, Чарторыйский, напоминая о «традиционных интересах» России на Балканах, предлагал начать с Англией союзные переговоры с целью защиты Турции от нападения Франции.

Однако английские дипломаты рано потирали руки, предвкушая скорое заключение англо-русского союза против Франции. Тот же Чарторыйский писал 9 марта 1804 г. в Лондон С. Р. Воронцову: «Император готов вступить в борьбу, как только события его к этому вынудят, но если он не боится быть принужденным к войне своими врагами, то он не хотел бы быть в нее втянутым в результате своих собственных действий или действий своих друзей. Подобные чувства, в основе которых лежит желание избегать войны так долго, как это позволит честь и безопасность империи, послужат для вас темой, при изложении и развитии которой вы будете руководствоваться вашим просвещенным и горячим патриотизмом». Единственный вопрос, по которому Россия готова консультироваться с Англией, – это восточный вопрос.

И действительно, царское правительство пока не очень заботилось о том, что непосредственно затрагивало его интересы. Так, оно отказалось поддержать Англию в деле защиты наследственных прав английских королей на курфюршество Ганновер, захваченный в 1803 г. Францией, но издало 29 марта 1804 г. декларацию о защите совместно с Данией «вольных ганзейских городов» от притязаний Франции, поскольку захват этих городов угрожал сокращению русской торговли на Балтике.

* * *

Новое столкновение двух точек зрения на дальнейшую политику России в отношении Франции произошло на заседании Государственного совета 17 апреля 1804 г. Формально поводом к заседанию послужило обсуждение позиции русского правительства в связи с расстрелом по приказу Наполеона герцога Энгиенского, близкого родственника казненного революцией французского короля Людовика XVI. Фактически же речь шла о внешнеполитическом курсе России в условиях новой международной обстановки, которая характеризовалась все расширявшейся англо-французской войной и ростом притязаний Франции на Балканах, Ближнем Востоке, в Италии и Германии. Как и в 1801–1803 гг., в ходе обсуждения наметились две точки зрения. В начале заседания Чарторыйский (являвшийся с января 1804 г. фактическим министром иностранных дел России в связи с тяжелой болезнью Воронцова) зачитал заранее подготовленное заявление. Документ этот по существу был своеобразным манифестом сторонников вооруженной борьбы с Францией. Акцентируя внимание членов Совета на всеобщем возмущении европейских легитимистов убийством герцога Энгиенского, Чарторыйский предложил объявить демонстративный траур русского двора и заявить Франции самый решительный протест. Предложения Чарторыйского, однако, шли значительно дальше. Осудив франко-русское соглашение 1801 г., он предложил разорвать дипломатические отношения с Францией и начать открытую подготовку к созданию новой антифранцузской коалиции совместно с Англией. Скрыто полемизируя с противниками этого курса, Чарторыйский всячески расписывал абсолютную безопасность такой политики для России, так как, по его мнению, Франция, не имея непосредственных границ с Россией, не может прямо напасть на нее.

О том, что сторонники войны с Францией уже давно вели подготовку к этому курсу, свидетельствует жалоба Чарторыйского, что Наполеон опередил развитие событий: «Случись обстоятельство, подобное последнему, тремя месяцами позднее, то, как ни печально и злополучно оно само по себе, оно случилось бы, так сказать, в подходящее время и вызвало бы решительный демарш со стороны России. Тогда чувства Австрии и Пруссии выяснились бы больше и определились; Дания была бы подготовлена; наш корпус на Семи островах, получив подкрепление, был бы в силах охранять Грецию и помочь Неаполитанскому королевству с помощью установленного согласия с Англией».

Программа Чарторыйского встретила возражения сторонников политики «свободы рук». Если по вопросу об объявлении демонстративного траура сомнений не было, то основное предложение Чарторыйского – начать открытую подготовку к войне с Францией в союзе с Англией, Австрией и Пруссией – вызвало серьезные разногласия. Это особенно отчетливо прозвучало в выступлении Румянцева: «Его величество должен руководиться только государственною пользой, и поэтому всякий довод, истекающий из одного чувства, должен быть устранен из числа его побуждений; так как только что совершившееся трагическое событие не касается прямо России, то им и не затрагивается достоинство империи».

Осудив программу Чарторыйского как попытку вовлечения России в войну с Францией за интересы других европейских государств, Румянцев выдвинул свой план:

«Следует просто надеть траур и на все смолчать». Если же Александр хочет все же продемонстрировать свое возмущение, то в качестве крайней меры «можно бы ограничиться простым перерывом сношений с Францией», но не ввязываться в войну с Наполеоном.

И хотя Совет не принял никакого окончательного решения, весь ход обсуждения внешнеполитического курса России в новых условиях дипломатической обстановки показал, что дни политики «свободы рук» сочтены. Немалую роль сыграли опасения, что Россия одна,

без помощи английского флота, будет не в состоянии оборонять огромную береговую линию Балканского полуострова.

Когда же стало известно, что подозрения России относительно угрозы статус-кво на Балканах разделяет и Австрия, судьба политики «свободы рук» была окончательно решена. Австрия и Россия составили сухопутный хребет новой коалиции, которую радостно приветствовала Англия. Для сторонников русско-английского союза наступили горячие дни. Чарторыйский, Новосильцев, Строганов в Петербурге, С. Р. Воронцов в Лондоне, Разумовский в Вене – все они, не покладая рук, трудились над созданием III, самой мощной антинаполеоновской коалиции. Никогда более Чарторыйский, польский князь на русской службе, не возносился так высоко, как в эти полтора года.

* * *

Вторая половина 1804–1805 год были «золотым временем» англо-русских дипломатических отношений. Александр I, наконец, сделал ставку на Англию.

«Молодые друзья» Александра I разработали грандиозный план установления англо-русско-австрийского господства в Европе. Он состоял из двух неравных частей. В первой, «теоретической», содержались проекты политического переустройства Европы в случае победы коалиции над Францией. Для 1804–1805 гг. важнее, однако, была вторая, «практическая», часть этих проектов – конкретные пути установления господства Англии, России и Австрии в Европе, а также определение места Франции в новой системе «европейского равновесия». Они были определены в основном документе коалиции «Англо-русской союзной конвенции о мерах к установлению мира в Европе» от 11 апреля 1805 г.

Главные участники коалиции на суше – Россия и Австрия – должны были выставить почти 400 тыс. человек и ровно столько же – другие потенциальные ее участники (Неаполитанское королевство, сардинский король, Пруссия, Швеция). Англия брала на себя субсидирование коалиции и поддержку ее армией с моря. Эта огромная по тем временам (почти миллионная) армия должна была вторгнуться в пределы Франции.

В части, касающейся будущего политического переустройства Европы, всего интереснее были планы в отношении социально-экономического и политического устройства Франции в случае победы над Наполеоном. Понимая необратимость процессов, происшедших во Франции, создатели коалиции заявляли, что «хозяева-собственники и люди, состоящие при должности, могут рассчитывать на мирное пользование теми выгодами, которые приобретены ими вследствие революции». Более того, делался намек, что легитимистские державы могут признать даже республиканскую форму правления во Франции, «лишь бы она была совместима с общественным спокойствием».

Правда, эта декларация имела в виду прежде всего пропагандистские цели – добиться изоляции Наполеона и его окружения от народа и государственного аппарата (прежде всего армии). Но сам факт включения такой статьи в основное соглашение свидетельствовал о том, что центр тяжести III коалиции в отличие от двух предыдущих переносился из плоскости борьбы против «революционной заразы» в плоскость разгрома Франции как государства, все более и более мешавшего Англии и России осуществлять их собственные захватнические планы.

Впрочем для всей истории III коалиции вполне подходила русская пословица: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги...» Военная мощь коалиции, подготовка которой заняла более 16 месяцев, была сломлена Францией менее чем за 2,5 месяца. Не дожидаясь, пока союзники договорятся о дележе шкуры еще не убитого медведя и объединят свои военные силы, Наполеон первым перешел в наступление. Он и на этот раз остался верен своей стратегии разгрома противников поодиночке. Основной удар пришелся по Австрии. 20

октября 1805 г. при Ульме французская армия нанесла первое крупное поражение австрийцам, заставив капитулировать 33-тысячную армию генерала Мака. Правда, на другой день на море коалиция взяла реванш: английский флот полностью разгромил франко-испанскую эскадру у мыса Трафальгар, навсегда лишив Наполеона возможности соперничать с Англией на морях. Но зато 2 декабря 1805 г. Франция нанесла новое сокрушительное поражение австро-русской армии при Аустерлице. Военная мощь III коалиции на суше была сломлена.

Наполеоновская дипломатия довершила дело. 26 декабря в Пресбурге (Братислава) она продиктовала Австрии условия мира, скорее похожие на условия капитуляции. Насмерть перепуганный австрийский император, брошенный своими недавними союзниками на произвол судьбы, не только признал фактическую оккупацию Наполеоном Италии, отказался от своего политического влияния в германских государствах, но и отдавал Франции Венецию и, что было самым страшным для царского правительства, свои балканские провинции – Истрию и Далмацию. С таким трудом созданная Россией система защиты своих позиций на Балканах рушилась – французы зашли в тыл русской военно-морской базе на Ионических островах.

* * *

Аустерлиц и Пресбургский мир положили начало совершенно новой обстановке в Европе. Франко-русские соглашения 1801 г. оказались похороненными. Наполеон не только закрепил все сделанные им до 1805 г. завоевания, но и приобрел новые территории в Италии, Германии, на Балканах.

Разгром Австрии, нейтрализация Пруссии, окончательное закрепление в Италии и германских государствах и – самое главное – выход на Балканы чрезвычайно усилили позиции Франции. Почти половина Западной Европы была под контролем французов. На западе Наполеона от России отделяла лишь формально независимая, слабая Пруссия, а на юге росла угроза новой русско-турецкой войны. Резко обострились противоречия в лагере бывших союзников по III коалиции.

В этих условиях в русских правительственных кругах вновь обострились противоречия, тем более что в Петербурге и Москве дворянство открыто выражало недовольство неудачами русской армии и дипломатии. Царь поспешил собрать новое заседание Государственного совета для обсуждения дальнейшего курса внешней политики России; оно состоялось в январе 1806 г.

На правах руководителя внешнеполитического ведомства России первым выступил Чарторыйский. Он зачитал обширный доклад «О положении политических дел в Европе». В нем была нарисована детальная картина политики России в отношении Франции в 1801–1805 гг. Чарторыйский подробно остановился на причинах отхода России от политики «свободы рук» и ее участия в III коалиции: «Виды, какие Бонапарт имел на Италию, угрожали непосредственно Австрии и Турции, а по сему были опасны и для России. Ибо если бы Австрия единожды учинилась данницей Франции и Турция подпала под ее иго или же была бы возмущена, тогда бы Россия потеряла все выгоды настоящего своего положения. Южные провинции наши подвержены были бы опасности, и Бонапарте овладел бы нашею торговлею на Черном море».

Следует отметить, что первоначально составленный Чарторыйским вариант доклада носил более резкий характер. Перед первым заседанием Александр I просмотрел черновик. Он вычеркнул абзац о русско-французских разногласиях в Германии в 1801–1803 гг., одновременно написав на полях резолюцию «умерить»; вычеркнул наиболее резкие нападки Чарторыйского на личность Наполеона; внес коррективы в характеристику внешней политики Австрии и т. д. Еще большей правке подвергся раздел об Англии: Александр I вычерк-

нул идею Чарторыйского об определяющем значении английской торговли для России, а также утверждение о «редкости случаев англо-русских разногласий в Европе». В разделе франко-русских отношений Александр I вписал фразу о стремлении России решать спорные вопросы путем дипломатического посредничества в англо-французском конфликте. Наибольшие коррективы были внесены в раздел о Пруссии. Александр I вычеркнул всю критику Чарторыйского в адрес прусского правительства.

После доклада Чарторыйского и двух его дополнительных сообщений об австро-французском мирном договоре от 26 декабря 1805 г. в Пресбурге и прусско-французском договоре от 15 декабря 1805 г. в Вене выступил Александр I. Он обратил внимание на тяжелое положение Австрии и «неизвестность о том, что прусский двор чинить намерен». Главное же внимание члены Совета должны обратить на «те опасения, каковы от присоединения к королевству Итальянской Истрии, Далмации и всех венецианских владений родиться могут для Порты Оттоманской, а посредством оной и российским черноморским провинциям и их торговле».

* * *

В ходе обсуждения внешнеполитического курса России (учитывая и письменное мнение членов Совета, поданное царю позднее) отчетливо наметились три точки зрения на практические методы политики России в отношении Франции в новых условиях.

Сторонники первой точки зрения, наиболее подробно изложенной в «Мнении министра внутренних дел» Кочубея и целиком поддержанной Чарторыйским, предлагали ничего не менять в прежней системе III коалиции, под прикрытием мирных переговоров с Францией перегруппировать силы и в удобный момент в союзе с Англией начать новую наступательную войну против Франции. Для этого следовало по-прежнему укреплять англо-русский союз, используя дипломатическую и военно-морскую помощь Англии для защиты Турции от Франции. Не следует обижаться на Австрию за ее поражение; наоборот, надо поддержать ее и дипломатически, и в военном отношении (не выводить русские войска с территории Австрии) и начать совместные австрорусские мирные переговоры с Францией. Что касается собственных военных усилий России, то она должна прежде всего увеличить свои вооружения и быть готовой к войне как на границах России, так и на территории ее соседей.

Сторонники второй точки зрения видели лучший выход в возврате к прежнему курсу «свободы рук» и неучастию в союзах. Наиболее полно и четко эта концепция была выражена С. П. Румянцевым. Россия, по его мнению, должна отказаться от дорогостоящих комбинаций по установлению европейского равновесия, заключить с Францией – сепаратный мир и предоставить двум соперницам изнурять себя в междоусобной войне. Ни с Англией, ни с Францией в союз вступать не следует. «Искусство нашего кабинета должно бы состоять в том, – заявил Румянецев, – чтобы предоставить другим державам изнуряться установлением общего равновесия, а нам бы между тем первенствовать в тех пределах, где могущество наше и одно может быть решительно».

Точку зрения Румянцева поддержал его брат, министр коммерции Н. П. Румянецев. Близкую к ним позицию заняли и некоторые другие члены Совета (П. В. Завадовский, Д. П. Трошинский и др.).

В этих двух точках зрения не было в общем ничего нового по сравнению с позициями их сторонников в 1804 г. Единственным, может быть, примечательным фактом была эволюция Кочубея. Начав свою карьеру как один из поборников политики «свободы рук», он к 1806 г. перешел на позиции сторонников английской ориентации.

С совершенно новым, третьим предложением выступил А. Б. Куракин. Его письменное «мнение» было по существу целой внешнеполитической программой, и по объему текст

его превосходил все остальные «мнения». Выражаясь современным языком, Куракин представил своего рода содоклад к выступлению Чарторыйского.

Охарактеризовав международную обстановку в Европе к началу 1806 г., Куракин делал вывод, что III коалиция в том составе, в каком она существовала, и по тем задачам, которые она преследовала, безвозвратно канула в прошлое: Австрия надолго выбыла из игры, и на ближайшее будущее ей уготовлена участь зависимой от Наполеона Испании. Крушение Австрии усилило позиции Пруссии, но союз с последней может быть только оборонительным, поскольку Пруссия очень боится Франции и начнет войну с ней только тогда, когда сам Наполеон нападет на Пруссию. Оборонительные союзы следует заключить также с Данией и Швецией.

Особенно отличались взгляды Куракина от взглядов Чарторыйского и Кочубея на англо-русские отношения. Если последние предлагали ничего не менять, сохраняя в качестве основы англо-русскую союзную конвенцию 1805 г., то Куракин выдвинул совершенно другое предложение.

По мнению Куракина, союз с Россией нужен Англии исключительно для ведения наступательной войны против Франции на континенте. Поскольку Россия теперь в первую голову озабочена защитой собственных границ, то вряд ли Англия пойдет на большие жертвы за интересы, которые ее непосредственно не касаются. Отсюда Куракин делал вывод: от союза с Англией против Франции надо отказаться, так как новая наступательная война лишь увеличивает могущество Англии, но англо-русскую торговлю нужно продолжать и развивать. Пусть Англия одна борется с Францией, а английское морское могущество уравновешивается сухопутным французским.

Оставаясь в стороне, Россия лишь выиграет, поскольку обе стороны будут искать ее поддержки, и Александр I без больших военных усилий, а исключительно с помощью своей дипломатии может не только обеспечить безопасность своих собственных границ, но даже добиться их некоторого округления. Такая политика в отношении Англии неопасна для России, ибо Англия все равно силой оружия не сможет заставить Александра I воевать против Франции.

Нетрудно заметить, что до сих пор точка зрения Куракина в принципе совпадала с позицией сторонников «свободы рук». Но далее начинались отличия. Они касались метода осуществления такой политики.

Поскольку основной задачей России отныне является охрана собственных границ и так как Англия уже не может быть эффективным союзником России в этом деле, то все усилия русской дипломатии нужно направить на нейтрализацию Франции, ибо она – единственная страна, которая может угрожать границам России.

Нейтрализацию Наполеона Куракин предлагал осуществить не методом отказа от любых союзов (как предлагали Н. П. и С. П. Румянцевы, Н. С. Мордвинов, а ранее В. П. Кочубей), а через «объятия» – заключение с ним союза, которого он столько раз домогался. Но этот союз должен носить характер сепаратного соглашения и не содержать никаких обязательств России вести войну против Англии. В основе этого союза, по замыслу Куракина, должна лежать идея разделения сфер влияния на Европейском континенте: «Когда же соединятся и в совершенное по европейским делам единогласие вступят сии два государства, могуществом своим сотворенные одно для первенства в севере, другое для первенства в западе Европы, тогда будут оные, без малейшего противоборства, законодатели и сберегатели спокойствия и блаженства оной». Куракин допускал, что и в рамках такого союза интересы России и Франции будут пересекаться, но оба государства «в видах и пользах своих нелегко и нескоро друг с другом столкнутся и друг другу вредить могут».

Не ограничиваясь высказыванием принципиальных соображений, Куракин предложил практические шаги по реализации такого союза. Прежде всего Россия должна во всеуслы-

шание заявить, что она готова защищать свои границы. Для этого надо усилить русские пограничные армии на западе и юге и заручиться оборонительным союзом с Пруссией. Лишь после этого послать в Париж неофициального представителя для выяснения намерений Наполеона. Когда это будет выполнено и Франция согласится на предварительное предложение России о союзе на вышеуказанных условиях, начать второй, официальный, этап переговоров о союзе. Куракин предложил уже сейчас начать составление проекта франко-русского договора о союзе.

* * *

Далеко не все прогнозы Куракина относительно действительной эффективности франко-русского союза для России были правильны. Так, была обречена на провал (и в этом Куракин убедился лично, будучи в 1808–1812 гг. русским послом в Париже) надежда на то, что союз с Россией обуздает экспансию Наполеона в Европе. Не были правильными и предположения об отдаленности столкновений интересов России и Франции.

Но в доводах Куракина содержалось одно очень рациональное зерно – борьба против Наполеона путем военной нейтрализации его империи в рамках союза, в основе которого лежала прежняя идея раздела «сфер влияния» в континентальной Европе.

Предложение Куракина было необычным, менявшим всю систему политики России в Европе, и поэтому первоначально оно не было принято Александром I. Но старый князь, дипломат екатерининской школы, смотрел дальше своего императора и оказался прав.

В июне 1807 г. после многочисленных неудачных дипломатических и военных экспериментов Александр I вынужден был вернуться к идее Куракина. Дополненная предложениями Румянцева и Сперанского, эта концепция военной и дипломатической нейтрализации Франции дала России пятилетнюю мирную передышку для подготовки к Отечественной войне.

Как остановить Наполеона?

Еще в ходе заседаний Государственного совета большинство его членов постоянно ссылались на незнание намерений Наполеона. Какова будет его политика в отношении Турции, Германии, Польши? Что сделает он с Италией? Каковы его планы по отношению к Англии? Доходившие из Парижа слухи были противоречивы, а своего дипломатического представителя во Франции Александр I не имел. Поэтому уже на втором заседании Совета Н. П. Румянцев предложил через торгового консула Франции в Петербурге Лессепа выяснить намерения Наполеона о возможности начала франко-русских переговоров, избрав в качестве предлога вопрос об эмбарго, наложенном в 1805 г. французским правительством на несколько русских судов в портах Франции. Дело предполагалось поручить управляющему МИД России А. А. Чарторыйскому, который должен был расширить этот частный вопрос до обсуждения всей проблемы франко-русских отношений. Предложение Румянцева было одобрено Александром I, и 18 января 1806 г. Чарторыйский имел с Лессепсом первую беседу. Переговоры продолжались по май 1806 г.

Как же реагировала французская сторона на русские демарши? 12 марта Талейран направил Лессепсу ответ на его донесения о беседах с Чарторыйским, где сообщал, что Наполеон «признал справедливость требований» России в отношении русских судов. Однако Талейран рекомендовал Лессепсу не выступать инициатором в мирном урегулировании разногласий. Инициатива должна исходить от России. Несмотря на весьма сдержанный тон этой инструкции, она означала, что Франция также готова начать мирные переговоры. Тактика Наполеона оставалась прежней: углубить англо-русские разногласия и заставить Россию пойти на отдельные переговоры.

13 мая 1806 г. в беседе с Лессепсом Чарторыйский заявил, что Александр I направляет в Париж бывшего поверенного в делах России во Франции П. Я. Убри для ведения мирных переговоров. На решение России начать мирные переговоры определенное влияние оказало согласие нового английского правительства начать переговоры с Наполеоном. 23 января 1806 г. в Лондоне умер один из самых энергичных вдохновителей антинаполеоновских коалиций – Питт. На смену его кабинета пришло так называемое министерство всех талантов во главе с Ч. Фоксом, который слыл сторонником примирения с Францией. И действительно, 20 февраля 1806 г. Фокс направил Талейрану письмо с предложением начать мирные переговоры. 5 марта Талейран по поручению Наполеона ответил согласием.

17 марта Фоке послал Чарторыйскому секретное письмо, в котором подробно изложил причины, побудившие Англию пойти на мирные переговоры. Сославшись на то, что III коалиция распалась, Фокс отмечал: единственным способом ослабления растущей экспансии наполеоновской империи в Европе являются переговоры Англии и России с Францией. Необходимым условием этих переговоров должно быть единство действий английского и русского представителей.

Это предложение шло навстречу пожеланиям «англофилов».

* * *

Большой интерес для выяснения их позиции накануне мирных переговоров с Францией в июне – июле 1806 г. представлял малоизвестный ответ Чарторыйского Фоксу, направленный в середине мая 1806 г. Согласившись с Фоксом, что после поражения III коалиции Европе необходима мирная передышка, Чарторыйский высказался за сохранение англо-русского союза 1805 г. в качестве инструмента обороны, которому со временем можно будет

снова придать наступательный характер. В сложившихся условиях международной обстановки Англия и Россия заинтересованы в мире больше, чем Франция. Отсюда возникает необходимость связать Наполеона «каким-либо соглашением для того, чтобы остановить его хотя бы на короткое время и заставить поверить и официально объявить, что он также находится в мире с нами». Единственно, что может заставить Россию отказаться от этой выжидательной тактики, – это усиление проникновения Франции на Балканы.

Эта часть письма Чарторыйского в целом соответствовала общему курсу тактики выжидания, которая была высказана большинством членов Государственного совета в начале 1806 г.

Но пользуясь тем, что письмо носило характер частного и конфиденциального (хотя оно и было показано Чарторыйским Александру I), управляющий МИД России развил в нем прежние идеи англо-русского наступательного союза против Франции. Так, Чарторыйский выразил сомнение в возможности подписания трехстороннего мирного договора. Скорее всего Наполеон будет добиваться сепаратных переговоров с каждой из двух союзных сторон, поскольку такой вариант облегчит Франции задачу закрепления достигнутых после Аустерлица завоеваний. Поэтому Англия и Россия должны быть готовы к новой совместной войне против Наполеона. В этой связи русское правительство не разделяет точки зрения английского правительства на Пруссию как на союзника Франции. Англо-пруссский конфликт из-за Ганновера, по мнению Чарторыйского, не следует возводить в принцип. Гораздо важнее оторвать Пруссию от Франции и привлечь на сторону России и Англии. Именно в этом направлении действует сейчас русская дипломатия.

Однако Фоксу и Чарторыйскому легче было декларировать свое стремление подписать с Францией мир, чем выработать программу совместных действий. Вопреки субъективному стремлению Чарторыйского пойти на значительные уступки во имя укрепления англорусского союза, уже в ходе предварительного обсуждения в марте – апреле 1806 г. совместных англо-русских требований наметились серьезные расхождения английской и русской точек зрения.

Основным спорным вопросом был балканский. Россия стремилась получить от Англии согласие на создание на Западных Балканах одного или нескольких славянских государств (на территории Боснии, Сербии и Черногории) под своим протекторатом в качестве барьера на пути продвижения Франции в глубь полуострова. Фокс занял по этому вопросу уклончивую позицию, акцентируя внимание на совместных англо-русских демаршах против проникновения Наполеона в Северную Германию.

* * *

Накануне мирных переговоров с Францией английская и русская дипломатия так и не выработала совместной программы действий: Однако Александр I все же решил принять участие в трехсторонних мирных переговорах.

Позиция русской дипломатии на переговорах была сформулирована в инструктивных документах, врученных русскому уполномоченному П. Я. Убри.

Основной упор был сделан на сохранение позиций России на Балканах. Мир с Францией мог быть заключен на условиях: 1) сохранения военно-морской базы на острове Корфу и контроля над Ионическим архипелагом; 2) полной или частичной эвакуации французских войск из Далмации; 3) «создания одного или нескольких независимых государств между Оттоманской империей и Италией».

Гораздо менее определенно были сформулированы требования России в отношении Германии. Правда, русское правительство отказывалось признать франкопрусское соглашение от 15 февраля 1805 г. о передаче наследственного владения английских королей – Ганно-

вера – Пруссии в обмен на некоторые территориальные уступки Пруссии в пользу Франции и Баварии. В остальном же Убри в общей форме предписывалось не подписывать никакого соглашения, наносящего ущерб торговле северогерманских (ганзейских) городов, а также независимости и целостности Дании и Швеции. Осуществленные же Наполеоном в Германии изменения будут признаны лишь при условии компенсации неаполитанского и сардинского королей.

Задача Убри была чрезвычайно сложной. Врученные ему документы носили крайне противоречивый характер. С одной стороны, его миссия как будто бы носила предварительный, разведывательный характер, поскольку царское правительство намеревалось затем направить в Париж «особого уполномоченного» для ведения дальнейших переговоров.

В письме Чарторыйского Талейрану, которое вез Убри, прямо указывалось: «Для того чтобы заключить мир, необходимо объяснить со всей искренностью обо всем, что может иметь отношение к интересам обоих государств, и именно выполнение этой предварительной работы с вами, г-н министр, или с любым другим лицом, которое будет назначено для этой цели, его величество поручил советнику Убри». Таким образом, в официальном обращении к французскому правительству миссия Убри называлась «предварительной».

Однако в данных Чарторыйским Убри полномочиях предписывалось «вступать во всякие переговоры между Англией и Францией и подписывать *sub spe ratı* вместе с их уполномоченными всякую бумагу, которая покажется вам соответствующей чести и выгодам России».

А в утвержденной Александром I инструкции Убри вообще давалось право заключать перемирие при условии частичной эвакуации Далмации. Преамбула инструкции гласила: «Невозможно отсюда определить, каковы могут быть условия всеобщего мира: это зависит главным образом от намерений главы французского правительства».

Таким образом, положение Убри было крайне сложным. Единой англо-русской платформы переговоров не было. В русских правящих кругах не было единства взглядов на мирные переговоры. Неясна была позиция Франции. Позиция Пруссии к моменту начала миссии Убри также была неясной, несмотря на интенсивные русско-пруссские переговоры. Поэтому Александр I постарался вручить своему представителю такие инструкции, которые дали бы царю возможность в случае неприемлемости требований Наполеона или успешных союзных переговоров с Пруссией отказаться от любого подписанного Убри соглашения. Как мы увидим ниже, так оно и случилось.

* * *

6 июля 1806 г. Убри прибыл в Париж. И тут обнаружилось, что у России нет больших надежд добиться мира на предлагаемых ею условиях. Прежде всего рухнул первый пункт русских условий – трехсторонние англо-русско-французские переговоры. Французское правительство категорически отказалось от такого варианта, заявив о желании вести сепаратные переговоры. Убри все же сумел установить неофициальные отношения с английским уполномоченным лордом Ярмоутом.

Переговоры Убри с Талейраном ни к чему не привели. В отличие от 1801 г. французская дипломатия, имея в своем портфеле победу при Аустерлице и мирный договор с Австрией, вела себя на переговорах крайне бесцеремонно: она не шла ни на какие уступки, требуя признания всех проведенных к июлю 1806 г. Наполеоном преобразований в Европе. Наполеон поставил перед Талейраном задачу: либо все, либо ничего.

Бедный русский чиновник не знал, что делать. Талейран очень быстро разгадал, что русский уполномоченный не имеет ясных указаний, и перешел к тактике шантажа и угроз. 12 июля Талейран в грубой форме отказался вести с Убри переговоры, назначив вместо себя

ген. Кларка. На дипломатическом языке того времени это означало выражение недоверия представителю другой стороны и грозило срывом переговоров.

Убри испугался. Полагая, что худой мир лучше доброй ссоры, он подписал 20 июля 1806 г. предложенный Кларком проект франко-русского мирного договора. Договор восстанавливал дипломатические и торговые отношения России и Франции «на вечные времена» (статья 1-я), сохранял за Россией Ионический архипелаг (статья 5-я), гарантировал Турцию от вторжения французских войск (статья 6-я). Но Франция категорически отказалась очистить Далмацию. Более того Франция соглашалась вывести свои войска из Северной Германии только при условии вывода русских войск с адриатического побережья Балкан (экспедиция Сенявина) (статья 7-я). Ни о каких славянских государствах на Балканах в договоре не было сказано ни слова.

Таким образом, по самому главному вопросу – турецкому – Франция добилась победы. Россия должна была вывести свои войска с балканского побережья Адриатики. Единственная опорная база России в Восточном Средиземноморье – Ионические острова – отныне была окружена французскими владениями.

В начале августа 1806 г. Александр I созвал специальное секретное совещание Государственного совета в составе всех министров, их заместителей, пригласив на него некоторых русских военачальников (в частности, М. И. Кутузова). Совещание должно было обсудить вопрос о ратификации (утверждении) договора Убри. По существу вопрос шел о войне или мире с Францией.

Против договора выступила многочисленная оппозиция во главе с министром внутренних дел В. П. Кочубеем. Им был выдвинут лозунг, что этот мир не является «ни полезным, ни почетным».

Новый министр иностранных дел России, сменивший Чарторыйского, А. Я. Будберг в своем докладе также высказался против ратификации. По его мнению, вывод русских войск с Балкан не компенсировался выводом французских войск из Германии. Кроме того, ратифицировав договор, Александр I рисковал лишиться помощи Англии. Основным же аргументом нового министра иностранных дел было утверждение, что Россия не может верить договорным обязательствам Наполеона, поскольку он их все равно не выполняет.

Сторонники утверждения договора пытались доказать, что отказ от ратификации означал бы новую войну с Францией, а это в условиях распада III коалиции и поражения русских войск при Аустерлице было бы для России чрезвычайно трудным делом, поскольку ей пришлось бы вести войну один на один. В пользу ратификации высказались Н. П. Румянцев, А. Б. Куракин, М. И. Кутузов и др. Но они оказались в меньшинстве. После некоторых колебаний Александр I решил отказаться от ратификации русско-французского мирного договора, заключенного Убри. 14 августа 1806 г. Будберг официально уведомил об этом Талейрана.

* * *

Миссия Убри была первой репетицией официальных франко-русских переговоров, за кулисами которых каждая из сторон вела тайную борьбу за союзников на случай новой войны.

Если русско-французские мирные переговоры были для Александра I средством своеобразного зондажа намерений Наполеона и еще до окончания миссии Убри потеряли для царя первоначальный интерес, то гораздо большее значение придавали в Петербурге политике в отношении Пруссии и Турции. С весны 1806 г. Берлин и Константинополь стали объектами ожесточенной франко-русской дипломатической борьбы. Инициатором перекройки политической карты Европы и пересмотра международных соглашений и на этот раз выступила Франция. Едва успев насладиться военной победой над III коалицией, Наполеон начал

решительное дипломатическое наступление на политические позиции бывших участников коалиции в Центральной (Германия) и Юго-Восточной (Балканы) Европе.

Основным объектом наполеоновской дипломатии в Центральной Европе была Пруссия. В начале 1806 г. вопрос о позиции Пруссии приобрел для французской и русской дипломатий первостепенное значение. Известно, что, несмотря на интенсивные переговоры с участниками III коалиции в 1804–1805 гг., Пруссия так и не выступила против Франции. В прусских правящих кругах шла острая борьба между сторонниками Франции и России.

Для Наполеона подчинение Пруссии своему диктату означало безраздельное господство во всей Германии, нейтрализацию Австрии, контроль над всем северогерманским побережьем, что в конечном итоге значительно увеличивало его шансы в борьбе против Англии.

Не меньшее значение придавал союзу с Пруссией и Александр I. Для него сохранение государственной самостоятельности Пруссии и русско-прусская союз обеспечивали влияние на германские дела, защиту балтийской торговли и, самое главное, создание препятствия на пути движения Наполеона к русским границам. Этим, в частности, объяснялись и разногласия царя с Чарторыйским, отвергавшим какой бы то ни было союз с Пруссией и выдвинувшим даже план войны против нее.

В начале 1806 г. Франция добилась в прусском вопросе больших успехов. Еще 15 декабря 1805 г. прусский министр иностранных дел Гаугвиц подписал в Вене франко-прусская союзный договор. Пруссия не только обещала быть союзником Франции, но и передавала часть своей территории Баварскому королевству. Пруссии пообещали наследственное владение английских королей – Ганновер.

* * *

В Петербурге срочно решили предпринять контрмеры. Еще в декабре 1805 г. в Берлин был направлен специальный уполномоченный Александра I князь П. Долгорукий. Он вез письмо Александра I прусскому королю, в котором царь обещал Пруссии военную помощь в случае угрозы со стороны Франции. Помощь не потребовалась. Но как раз в это время Пруссия заключила союзный договор с Францией. Долгорукий должен был попытаться сорвать выполнение этого соглашения прусским королем. Для этого посланцу царя надлежало вести борьбу против происков французских дипломатов в Берлине, а также оказывать помощь прорусски настроенным лицам в прусском правительстве.

Зажатое между Францией и Россией, прусское правительство выдвинуло старый проект – заключение русско-пруско-французского союза. Для переговоров по практическому воплощению этого проекта (возможно, инспирированных Наполеоном) в Петербург в январе 1806 г. со специальной миссией был направлен герцог Брауншвейгский. Однако уже в ходе первых бесед прусские представители поняли, что надежды их короля на франко-пруско-русский союз нереальны. Русская сторона отвергла и посреднические услуги Пруссии в вопросе урегулирования франко-русских разногласий. Более того, Пруссии было предложено примкнуть к анти-наполеоновской коалиции.

Но не дремал и Наполеон. Воспользовавшись тем, что прусский король при ратификации франко-пруско-го договора от 15 декабря 1805 г. внес в его текст некоторые изменения, он объявил договор недействительным и заставил Пруссию подписать в Париже 15 февраля 1806 г. новый договор, в силу которого Пруссия должна была немедленно занять своими войсками переданный ей Ганновер и запретить английским судам заходить в порты Северной Германии. 5 марта прусский король ратифицировал этот договор. В письме Александру I он униженно каялся, что пошел на эту «крайнюю меру, чтобы не допустить гибели всего».

Следует отдать должное наполеоновской дипломатии: договором 15 февраля 1806 г. она внесла раздоры и в без того ослабленный выходом Австрии лагерь своих противников,

надолго поссорив Пруссию с Англией и Швецией. По существу ни Англия, ни Швеция, ни тем более Австрия – давний соперник Пруссии – вплоть до 1813 г. так и не преодолели своего недоверия к Пруссии, несмотря на то, что с сентября 1806 г. по июль 1807 г. две первые державы формально находились с Пруссией в составе IV коалиции. В этом, кстати, крылась одна из причин фактического отказа обоих государств прийти на помощь остаткам разбитых Наполеоном в октябре 1806 г. армий прусского короля.

В Петербурге сумели оценить размер надвигающейся опасности. Как только Александр I получил письмо прусского короля о согласии ратифицировать новый франко-прусский договор, переговоры с герцогом Брауншвейгским перешли в новую фазу – Россия усилила нажим. 7 марта 1806 г. Александр I вручил герцогу памятную записку: царь предложил Пруссии заключить военный союз, который составил бы основу будущей антинаполеоновской коалиции. На этих условиях Россия брала на себя обязательство гарантировать целостность и независимость Пруссии.

Но Пруссия продолжала двойную игру. С одной стороны, в ответ на требование России герцог Брауншвейгский согласился на заключение русско-прусского военного союза, с другой – 27 марта прусское министерство иностранных дел информировало английского посланника в Берлине, что оно оккупирует Ганновер и закроет прусские порты для английских торговых судов. 28 марта прусские войска заняли Ганновер. Тогда Англия 5 апреля запретила своим судам заходить в прусские порты и наложила эмбарго на прусские суда и товары в английских портах. 11 мая Англия объявила Пруссии войну, а через три дня был издан декрет о встречной блокаде морского побережья Северной Германии (включая вольные ганзейские города). К конфликту с Англией прибавился конфликт Пруссии со Швецией из-за владений шведского короля в Померании: 12 мая 1806 г. Швеция объявила морскую блокаду балтийских портов Пруссии.

Таким образом, вместо объединения своих возможных союзников Россия в мае 1806 г. оказалась перед фактом морской войны между ними. Кстати, это обстоятельство ускорило начало миссии Убри в Париже: в Петербурге были заинтересованы в выигрыше времени.

* * *

Россия продолжала прилагать усилия для привлечения Пруссии на сторону IV коалиции. Она шла по двум параллельным направлениям: 1) посредничество России в англо-прусском и шведско-прусском конфликтах с целью примирения враждующих сторон; 2) продолжение секретных русско-прусских переговоров о заключении союзного оборонительного договора. Кроме политических мотивов, побуждавших русскую дипломатию содействовать примирению Пруссии со своими союзниками, имелись и экономические причины. В начале мая 1806 г. министр коммерции Н. П. Румянцев представил Александру I доклад, в котором указывал на отрицательные последствия англо-прусской морской войны для балтийской торговли России.

Положение русской дипломатии облегчалось тем, что до Берлина дошли слухи о намерении Наполеона вновь забрать Ганновер и вернуть его Англии как цену за франко-английское примирение. Поэтому уже на второй день после начала войны с Англией, 13 мая 1806 г., прусский посол Гольц просит посредничества России в англо-прусском конфликте. 18 мая он обращается за посредничеством России в урегулировании прусско-шведского конфликта, в частности прекращения Швецией блокады балтийского побережья Пруссии. Однако решающее воздействие на окончательное изменение ориентации Пруссии в сторону союза с Россией оказала политика Франции в германском вопросе.

12 июля 1806 г. был создан Рейнский союз германских государств во главе с Наполеоном в качестве «протектора». Последнее событие получило большой резонанс во всей

Европе. Создание конфедерации означало утверждение господства Франции над Южной и Западной Германией и конец «Священной римской империи» германских государств, номинальным главой которой был австрийский император, который вскоре отказался от этого титула. Империя перестала существовать. Односторонние действия Наполеона в Германии означали, кроме того, устранение России от участия в германских делах.

Франция попыталась привлечь Пруссию к участию в перекройке политической карты Германии на угодных Наполеону условиях, предложив создать Северо-германскую конфедерацию по типу Рейнского союза с прусским королем во главе.

Но в Пруссии были силы, понимавшие, что в условиях конфликта с Англией и Швецией, подозрительности Австрии и очевидного несогласия России Пруссия не сможет реализовать французские предложения. Создание Рейнского союза без консультации с Пруссией в сочетании с намерениями Наполеона отобрать у нее Ганновер и передать его снова Англии ясно дали понять части прусских правящих кругов, что их страна нужна Франции как пешка в игре против Англии и России. Волна национализма, поднявшаяся в Пруссии, ускорила русско-прусское сближение. 1 июля 1806 г. прусский король подписал секретную декларацию: Пруссия подтверждала силу русско-прусского союзного договора 1800 г., отказывалась участвовать на стороне Франции в случае франко-русского конфликта из-за Турции и Австрии, обещала примириться с Англией и, самое главное, выражала согласие начать подготовку к войне против Франции. 24 июля 1806 г. Александр I подписал ответную декларацию. Этот обмен декларациями заложил основу IV коалиции и оказал решающее воздействие на отказ царя ратифицировать договор Убри.

Секретный обмен декларациями нейтрализовал действие франко-прусского союзного договора от 15 февраля 1806 г. и ускорил подготовку к войне против Франции. Спустя полтора месяца, 11 сентября 1806 г., Александр подписал указ «О предстоящей войне с Францией».

Тремя днями ранее Талейран разослал своим дипломатическим представителям циркуляр, что Франция хочет мира, но не боится угроз и готова к войне.

Ясно выраженная ориентация Александра I на союз с Пруссией в 1806–1807 гг. (до Тильзита) и его борьба с Наполеоном в Тильзите за сохранение Пруссии хотя бы в урезанном виде породили версию о каких-то тайных специфических «прусских» симпатиях Александра I, сделавшего ставку на прусского короля.

Русские историки-«антантофилы» (Дживелегов, Трачевский, Татищев и др.) дружно осуждали Александра I, видя в его союзе с Пруссией и Австрией истоки той ошибочной, по их мнению, политики усиления Германии и Австро-Венгрии, за которую России якобы не раз приходилось расплачиваться в течение всего XIX в. На самом же деле ставка царя на Пруссию вытекала вовсе не из «пристрастия к прусскому королю и к очаровательной королеве Луизе». Никакие чары прусской королевы не заставили бы Александра I воевать с Францией из-за Пруссии, если бы он не понимал, какую угрозу для России и для его престола представляет выход французских армий к западным русским границам.

В 1805 г. роль заслона выполняла Австрия. В 1806 г. такая же роль готовилась Пруссии. Как и в 1804–1805 гг., новая война России против Франции мыслилась в рамках антинаполеоновской коалиции, основу которой должен был составить русско-прусская союз. И хотя к этой коалиции были привлечены Англия и Швеция, основная ставка была сделана на Пруссию и северогерманские государства, не вошедшие в Рейнский союз Наполеона.

* * *

Первыми зримыми признаками нового изменения внешнеполитической тактики царизма были перестановки в верхушке дипломатического корпуса России. 27 мая 1806 г.

был уволен в отставку многолетний посол России в Англии С. Р. Воронцов. Он не сумел, а может быть, и не хотел вовремя переориентироваться, по-прежнему досаждая Александру I своими донесениями о необходимости теснейшего союза с Англией. Вслед за ним 17 июня был уволен в отставку и А. А. Чарторыйский. Смещение Чарторыйского означало отстранение «молодых друзей» от участия в «большой политике». Не дожидаясь, пока их выгонят, П. А. Строганов и В. П. Кочубей сами стали просить об отставке. Письмо Кочубея Александру I с просьбой об отставке характерно для настроений в тогдашних англофильских кругах: жалуясь на отсутствие к нему прежнего доверия, Кочубей вопрошал: «Почему нет этого доверия? Я думаю потому, что нет единства между (государственными. – В. С.) органами. Всякий понимает вещи по-своему...» «Как бы то ни было, – писал Кочубей далее, – у меня отнято доверие. Меня изгнали из малых комитетов. Я не знаю ничего, что где делается, в то время как раньше я был в курсе всего». В тот период Александр I в связи с приближавшейся войной с Францией отклонил просьбу Строганова и Кочубея об отставке. Они были уволены, как и Новосильцев, после заключения союза с Францией.

Однако, несмотря на то, что формально некоторые «молодые друзья» (Кочубей, Новосильцев) еще оставались на своих постах, Александр I во внешней политике уже опирался на других, гораздо менее известных лиц. Так, дипломатическим представителем России в Лондоне после отставки Воронцова стал чиновник МИД Николаи, в Берлине – послушный исполнитель воли царя М. Алопеус. Ввиду отказа Разумовского от поста посла в Австрии Александр I подыскивал другую кандидатуру.

Пост же Чарторыйского занял, как уже было сказано, недалекий и исполнительный генерал Будберг, известный в сановных петербургских кругах как сторонник войны против Франции в союзе с Пруссией.

Столь решительное отстранение «молодых друзей» и подчеркнутое недовольство «англофилами» нужно было царю, в частности, для успокоения дворянского общественного мнения России за провал планов III коалиции.

Август и сентябрь 1806 г. прошли для России в попытках создать Северогерманскую конфедерацию во главе с Пруссией. Идея создания такой лиги, как отмечалось выше, принадлежала Наполеону. По замыслу французской дипломатии конфедерация должна была быть подобием Рейнского союза и выполнять через Пруссию волю французского императора. Эта французская идея была взята на вооружение русской дипломатией с тем только отличием, что эта лига – в случае ее создания – была бы обращена против Франции. Кроме того, понятие «Северогерманская лига» было расширено Россией до объединения всех формально не зависимых от Франции государств Северной Европы.

Пруссия была готова встать во главе не вошедших в Рейнский союз германских государств. Фридрих-Вильгельм III даже тешил себя надеждой, что она заменит распавшуюся «Священную римскую империю». Ряд мелких германских государств (Гессен-Кассель, Саксен-Веймар, Саксония, вольные ганзейские города и др.) в принципе одобрительно отнеслись к этой идее, но почти все высказали опасение относительно главенствующей роли Пруссии в этом союзе, считая, что она либо подчинит их своей власти, либо вступит в сговор с Францией и предаст их. Почти столь же единодушным было пожелание, чтобы во главе такой лиги встала Россия. Особенно важным для русской дипломатии было весьма осторожное согласие Австрии примкнуть к этой лиге при условии, что во главе ее станет Россия, поскольку Австрию больше всего беспокоило усиление влияния Пруссии на северо-германские государства.

Россия попыталась привлечь к новой антинаполеоновской коалиции Испанию. Даже в далекие США было направлено письмо Александра I, содержащее намек на желательность помощи североамериканцев в борьбе против Франции.

Параллельно с дипломатическими мерами по созданию IV коалиции шла подготовка к войне с Францией в самой России. 11 июля 1806 г. в Петербурге под председательством Александра I состоялся военный совет. В начале заседания с кратким обзором международной обстановки выступил Будберг. Затем Александр I призвал членов совета обсудить меры по усилению обороноспособности страны, в частности разработать план военных операций на случай войны с Францией и Турцией, пути увеличения численности русской армии и т. д. Совет постановил признать «полезным пребывание в оборонительном положении» до тех пор, пока «в случае неприязненных намерений кого-либо из соседей наших предупредить его предприятие сильным ополчением».

* * *

Однако все планы Александра I – и военные, и дипломатические – полностью провалились. В Петербурге, Лондоне, Стокгольме еще только обсуждали возможности взаимодействия военных сил, торговались относительно английских субсидий, а Пруссия неожиданно для своих союзников начала действовать. 1 октября 1806 г. прусский посол в Париже Кнобельсдорф вручил Талейрану ультиматум: 1) Франция должна вывести свои войска из Германии за Рейн; 2) она отказывается чинить помехи созданию Северогерманской лиги во главе с Пруссией. Как и следовало ожидать, Наполеон отверг эти требования. Французские войска вторглись на территорию Пруссии и в двух битвах (при Иене и Ауэрштадте) в один день, 14 октября, наголову разбили прусскую армию. Прусский король бежал из Берлина. Французские войска оккупировали территорию Пруссии.

Последний барьер на пути наполеоновских армий к Востоку пал. Никогда за всю историю франко-русских отношений французские войска не были так близко от границ Российской империи. Правящие классы России забили тревогу.

Официальное объявление войны Россией не было неожиданностью для Наполеона. В начале октября в Париже уже были хорошо осведомлены о решимости Александра I прийти на помощь Пруссии. Известный французский генерал Г. Жомини, впоследствии перешедший на русскую службу, представляя Наполеону план войны с Пруссией, основанный на стратегии «блицкрига», писал в сентябре 1806 г., что за выступлением Пруссии тотчас же последует выступление России. Но если Жомини еще до начала франко-прусской войны не сомневался в ее успешном для Франции окончании, то война с Россией вызывала у него тревогу. Располагая огромными людскими и материальными ресурсами, Россия могла длительное время оказывать сопротивление. Поэтому при разработке плана русско-французской войны, отмечал Жомини, следует отказаться от надежд на быструю победу. Залогом успеха Франции в этой войне должно быть своевременное применение прежней тактики: «помешать ее противникам начать одновременные действия».

Очевидно, Наполеон понимал, что для длительной войны с Россией Франция не была подготовлена: это требовало гораздо большей мобилизации военных и экономических ресурсов страны. К моменту объявления войны численность наполеоновской армии на театре военных действий (вместе с войсками союзников-сателлитов – Бадена, Вюртемберга, Баварии, Голландии – всего около 25 тыс. человек) составляла примерно 194 тыс. человек. Стратегия французского командования в кампанию 1806–1807 гг. заключалась главным образом в том, чтобы в нескольких генеральных сражениях на территории Польши и Пруссии разгромить русскую западную армию и навязать Александру I выгодный Франции мир.

При всех дипломатических и военных комбинациях 1806 г. Наполеон не забывал главного: борьбы против Англии. Именно в этом году, 21 ноября, в поверженном Берлине французский император провозгласил знаменитый декрет о континентальной блокаде Британ-

ских островов. Борьба против Англии принимала новую форму, форму торговой войны. Почти вся Западная Европа была под властью Франции. Но оставалась еще

Россия – давний торговый партнер Англии. Без участия России в экономической блокаде ее эффект был бы значительно ослаблен. Поэтому все усилия Франции в 1806–1807 гг. были направлены на то, чтобы угрозами или посулами заставить Россию примкнуть к этой блокаде, поддержать Францию если не оружием, то хотя бы экономически в борьбе против Англии.

* * *

Конечно, для Франции лучше всего было бы добиться полного разгрома России и диктовать ей свои условия. Но одной Франции это было не по силам. Поэтому наполеоновская дипломатия стремилась сколотить антирусскую коалицию государств, прежде всего на южных границах Российской империи. Программа создания южного театра военных действий против России была сформулирована Наполеоном еще 20 июня 1806 г. в секретной инструкции французскому послу в Турции Себастиани. В этом очень интересном и малоизвестном документе, определившем политику Франции не только в 1806, но и в 1807–1812 гг., говорилось:

«1. Внушать Порте доверие и уверенность в ее безопасности; Франция хочет ее усиления.

2. Тройной союз – я, Порты и Персия против России.

3. Никакого высокомерия по отношению к Порте, дружба, стремление к тому, чтобы она сообщала нашему послу требования России и Англии.

4. Я нигде не буду поддерживать бунтовщиков.

5. Пусть союз с Портой станет известным России, Англии, всей Европе.

6. Подчеркивать неприязнь к России; никаких личных контактов с ее посольством.

7. Закрыть Босфор для русских, закрыть все порты, возратить Турции ее абсолютное господство над Молдавией и Валахией.

8. Я не хочу раздела Константинопольской империи; даже если мне предложили бы 3/4 ее, я не захотел бы этого. Я хочу укрепить и усилить эту великую империю и использовать ее такой, какой она есть как противовес России».

Французские представители в Турции (Себастиани) и Персии (Гардан) начинают усиленно сколачивать южный фронт антирусской коалиции. Следует отметить, что к началу франко-русской войны 1806–1807 гг. отношения царского правительства со своими южными соседями резко ухудшились. С Персией с 1804 г. шла война. Правда, летом 1806 г. персы потерпели поражение и вынуждены были начать мирные переговоры. Французская дипломатия сделала все, чтобы сорвать эти переговоры и привлечь Персию на свою сторону. В конце концов это ей как будто бы удалось: 7 мая 1807 г. был подписан франко-персидский союзный договор, по которому Наполеон обещал персидскому шаху помощь в отвоевании Закавказья (в частности, Грузии). Со своей стороны шах обязался порвать отношения с Англией и обеспечить в случае необходимости проход французских войск через свою территорию в Индию.

Очень активно действовал в Константинополе Себастиани, тем более, что после Аустерлица русско-турецкие отношения ухудшались день ото дня. Турецкий диван (правительство) начал чинить препятствия проходу русских торговых судов через проливы. В марте 1806 г. был введен новый тариф, значительно повышавший провозную пошлину на товары из России. В мае последовал запрет на проход русских военных судов.

Часть воинственно настроенных османских кругов считала, что наступил час реванша за поражения в русско-турецких войнах конца XVIII в.

Французская дипломатия усиленно подогревала эти настроения. «Всякое возобновление или укрепление союза с врагами Франции – Англией или Россией, – угрожал Себастиани турецкому султану, – было бы не только открытым нарушением нейтралитета, но и помощью Блистательной Порты борьбе, которую эти державы ведут против Франции. Последняя окажется вынужденной принять меры, соответствующие ее интересам и достоинству». Это была угроза вторжения французской армии в пределы турецкой империи через занятую Наполеоном весной 1806 г. Далмацию. В конце концов Себастиани взял верх над своими противниками – русским послом Италийским и английским послом Арбатнотом: Турция объявила войну России и Англии.

Но Наполеону было мало формального объявления войны. Он требовал от Себастиани и Гардана заставить Турцию и Персию перейти к активным наступательным действиям, создать реальную угрозу отвоения у России Приднестровья, Крыма, Грузии. Он стремился создать мощный военный союз Франции, Турции и Персии.

Это со всей очевидностью показали франко-турецкие союзные переговоры в феврале 1807 г. Французскому уполномоченному была дана инструкция подписать франко-турецкий союзный договор на следующих условиях: 1) не заключать сепаратного мира с Россией без взаимных консультаций; 2) Франция гарантирует отвоение Крыма у России своими силами, если Турция не сумеет добиться этого самостоятельно; 3) Франция гарантирует Турции обладание Молдавией и Валахией в случае отвоения их у России; 4) Франция гарантирует целостность Турецкой империи. Франция добивалась также введения французских войск в Константинополь. Однако, несмотря на все усилия французской дипломатии, ей так и не удалось заключить союзный договор с Турцией. В итоге план организации сильной наступательной коалиции против России на ее южных границах провалился. Несмотря на союзный договор с Францией, Персия в 1806–1807 гг. фактически прекратила военные действия, попытавшись за спиной французов продолжить мирные переговоры с Россией. Вяло шли военные действия и на турецком театре.

* * *

Между тем война на Западе принимала явно невыгодный для Франции затяжной характер, поэтому Наполеон также начал нащупывать почву к переговорам с Россией.

О первых такого рода попытках свидетельствовала посредническая миссия прусских дипломатов Гольца и Круземарка, привезших уже в январе 1807 г. пожелание французского императора о начале франко-русских сепаратных мирных переговоров. Царское правительство в принципе одобрило это предложение, но потребовало, чтобы в переговорах приняли участие Англия и Пруссия. Поскольку цель Наполеона оставалась неизменной – раскол анти-французской коалиции, – дальнейшее обсуждение вопроса не состоялось.

В феврале 1807 г. после кровопролитной битвы при Прейсиш-Эйлау французская дипломатия повторила свой демарш. На этот раз ее условия мира с Россией были более определенны: Наполеон предлагал создать между Францией и Россией буферное германское государство. Надо сказать, что на этот раз русские дипломаты допустили просчет, упустив верную возможность начать мирные переговоры в благоприятных для себя условиях. Командующий русской армией Бенигсен высокомерно заявил посланцу Наполеона генералу Бертрану, что он «поставлен государем вести войну, а не мирные переговоры». Александр I санкционировал отказ Бенигсена, явно переоценив свои возможности.

Дело в том, что к февралю 1807 г. острота страха перед возможным вторжением наполеоновской армии в пределы России прошла. Во-первых, судя по действиям французских войск, они и не стремились этого сделать. Во-вторых, царское правительство подтянуло к западной границе крупные резервы (регулярные войска и ополчение). Кроме того, несмотря

на все усилия Наполеона, ему пока не удавалось нанести русской действующей армии, дислоцировавшейся в Польше и Восточной Пруссии, решающего поражения. Более того, сражение при Прейсиш-Эйлау 8 февраля 1807 г., в котором французы потеряли убитыми, ранеными и взятыми в плен 29 тыс. человек (русские – 26 тыс.), поколебало миф о непобедимости наполеоновской армии. Эта битва имела большой резонанс во всей Европе. Впервые после Маренго, Аустерлица и Иены французские войска не добились общепризнанной победы. Результатом этой битвы было также и то, что на театре военных действий с февраля по июнь 1807 г. установилось временное затишье.

Отказ Александра I в феврале 1807 г. пойти на мирные переговоры объяснялся, очевидно, переоценкой военного и политического результатов сражения при Прейсиш-Эйлау. Приняв за чистую монету обещания Швеции и Англии оказать, наконец, эффективную военную помощь в борьбе против Франции, он решил вдохнуть новые силы в IV антифранцузскую коалицию, единственным реальным участником которой с октября 1806 г. была пока только Россия.

26 апреля 1807 г. в Бартенштейне между царем и прусским королем была заключена секретная конвенция. По замыслу Александра I (Фридриха-Вильгельма III уже не приходилось серьезно принимать в расчет), эта конвенция должна была мобилизовать участников IV коалиции на последний, решительный бой с Наполеоном. Этот документ был схож с «Англо-русской союзной конвенцией о мерах к установлению мира в Европе» 1805 г. Подобно англо-русской, русско-прусской конвенция провозглашала, что участники IV коалиции «сражаются не ради уничтожения Франции, не для вмешательства в то, что относится до ее управления и ее внутренних дел, но они не могут взирать спокойным взором на постоянно прогрессивное увеличение одной державы за счет других, которым она угрожает гибелью, совершенно расстраивая всякое равновесие». Для возвращения Франции «в справедливые пределы» надо принудить Наполеона отвести свои войска за Рейн, распустить Рейнский союз и создать в Германии федерацию государств во главе с Пруссией.

* * *

Если сопоставить статьи конвенции с реальными силами IV коалиции в апреле 1807 г., то между провозглашенными в ней задачами и средствами к их выполнению лежала пропасть. Думается, что провозглашенные в конвенции «глобальные» задачи по изгнанию Франции из Германии за Рейн и планы создания Северо-германской конфедерации во главе с Пруссией все же носили пропагандистский характер и были продиктованы прежде всего стремлением Александра I при помощи старых лозунгов привлечь к активным военным действиям Швецию, Англию и особенно Австрию. Однако конвенция – от начала и до конца детище Александра I – была мертворожденной: конкретные условия международной обстановки весной 1807 г. меньше всего отвечали планам наступательной войны против Франции. В этом царь убедился очень скоро.

Англия, и ранее саботировавшая оказание прямой военной помощи России, согласилась присоединиться к конвенции, но при этом сделала такую оговорку, которая отталкивала Пруссию и вызывала у Александра I опасения, что прусский король опять переметнется на сторону Франции: английский министр иностранных дел Каннинг, сославшись на трудность ратификации конвенции королем, предложил выкинуть пункт о главенстве Пруссии в новом германском федеративном союзе. Англия еще только собиралась послать войска, а три прусских корпуса уже сражались в составе русской армии. Предложение Каннинга не прошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.